

ИСТОРИЧЕСКАЯ ДЕТЕРМИНИРОВАННОСТЬ ДИСКУССИОННОСТИ ПРЕДСТАВЛЕНИЙ ОБ ЭКСПЕРТНОЙ ИНИЦИАТИВЕ В УГОЛОВНОМ ПРОЦЕССЕ

Соловьева Н.А.

ФГАОУ ВО «Волгоградский государственный университет»
(просп. Университетский, д. 100, г. Волгоград, Россия, 400062)

Ссылка для цитирования: Соловьева Н.А. Историческая детерминированность дискуссионности представлений об экспертной инициативе в уголовном процессе. *Юридический вестник Кубанского государственного университета*. 2024;16(3):89–100. <https://doi.org/10.31429/20785836-16-3-89-100>

КОНТАКТНАЯ ИНФОРМАЦИЯ:

Соловьева Наталья Алексеевна, кандидат юридических наук, доцент, заведующая кафедрой процессуального права и криминалистики, ФГАОУ ВО «Волгоградский государственный университет»

Адрес: просп. Университетский, д. 100, г. Волгоград, Россия, 400062

Тел.: + 7 (961) 681-38-19

E-mail: natalisoul13@mail.ru

Конфликт интересов. Автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.

Финансирование. Исследование не имело спонсорской поддержки (собственные ресурсы).

Статья поступила в редакцию: 04.09.2024

Статья принята к печати: 27.09.2024

Дата публикации: 15.10.2024

Аннотация: Целью представленного исследования является обоснование необходимости совершенствования института экспертной инициативы в отечественном уголовном судопроизводстве.

Задачи работы обусловлены недостаточной разработанностью вопроса о понятии и пределах экспертной инициативы в уголовном процессе, а также роли усмотрения эксперта в процессе инициирования различных решений и действий, несмотря на дискуссионность проблемы регулирования и реализации экспертной инициативы в уголовном процессе. В связи с этим можно выделить следующие задачи: историко-правовой анализ формирования представлений об экспертной инициативе на в разных условиях; обсуждение понятийного аппарата института экспертной инициативы, а именно самого понятия инициативы эксперта, ее пределов и объема; рассмотрение экспертной инициативы в системе оценочных понятий.

Методология настоящей статьи, по большей части, является традиционной, и включает в себя общенаучные методы: диалектический; логический; метод логического анализа и синтеза, индукция и дедукция, обобщение, абстрагирование, аналогия, восхождение от абстрактного к конкретному, функциональный и системный методы познания. В структуре исследовательской методологии, позволившей детализировать научные представления о природе и сущности экспертной инициативы, важное место заняли: историко-правовой; формально-логический; институциональный; сравнительно-правовой; интерпретационный методы.

Результаты: На настоящий момент право экспертной инициативы закреплено в: п.4 ч.3 ст. 57 и ч. 2 ст. 204 УПК РФ. Однако единого мнения по поводу сущности данной нормы в научной и практической среде не выработано, несмотря на историческую обусловленность таких дискуссий. Ряд ученых считает, что экспертная инициатива связана с такой формой реализации права, как использование, т.е. с усмотрением эксперта, и является для него необязательной. Другая же часть научного сообщества рассматривает инициативу эксперта как обязанность, т.е. реализация данной нормы, по их мнению, должна происходить в форме исполнения. В соответствии с этим обнаруживаются и разные подходы к определению экспертной инициативы. Представляется, что

наиболее точно сущность экспертной инициативы проявляется через усмотрение эксперта, а не ограничивается дублированием полномочий эксперта, указанных в ч. 4 ст. 57 УПК РФ. Постановка задачи в ключе изучения оценочных понятий открывает перспективу для дальнейших исследований выбранной темы.

Выводы: В вопросе отсутствия законодательного закрепления понятия экспертной инициативы, ее пределов и объема, имеет место не языковая коллизия, а неполнота и недостаточность в урегулировании инициирования экспертом действий и решений, входящих в компетенцию данного участника уголовного процесса. Для того, чтобы ее восполнить, необходимо предусмотреть в ст. 5 УПК РФ следующее положение: экспертная инициатива – профессиональная деятельность эксперта, осуществляемая по его усмотрению в пределах компетенции, и заключающаяся в свободе выбора научных технико-криминалистических средств и способов применения специальных знаний, экспертных методик и рекомендаций в целях предупреждения, раскрытия и расследования преступлений.

Ключевые слова: объем исследования, экспертная инициатива, активность, усмотрение эксперта, усмотрение, самостоятельность эксперта, расширение и сужение объема исследования, научный судья, дополнительные вопросы.

THE HISTORICAL DETERMINISM OF THE DISCUSSION OF IDEAS ABOUT EXPERT INITIATIVE IN CRIMINAL PROCEEDINGS

Natalya A. Solovyeva

FGAOU VO "Volgograd State University"

(ave. Universitetskiy, 100, Volgograd, Russia, 400062)

Link for citation: Solovyeva N.A. The historical determinism of the discussion of ideas about expert initiative in criminal proceedings. *Legal Bulletin of the Kuban State University*. 2024;16(3):89–100. <https://doi.org/10.31429/20785836-16-3-89-100>

CONTACT INFORMATION:

Natalya A. Solovyeva, Cand. of Sci. (Law), Associate Professor, head of the department of procedural law and criminology of the FGAOU VO "Volgograd State University"

Address: ave. Universitetskiy, 100, Volgograd, Russia, 400062

Tel.: + 7 (961) 681-38-19

E-mail: natalisoul13@mail.ru

Conflict of interest. The author declares that there is no conflict of interest.

Financing. The study had no sponsorship (own resources).

The article was submitted to the editorial office: 04.09.2024

The article has been accepted for publication: 27.09.2024

Date of publication: 15.10.2024

Annotation: The *purpose* of the presented research is to substantiate the need to improve the institution of expert initiative in domestic criminal proceedings.

The *tasks* of the work are due to the insufficient elaboration of the question of the concept and limits of expert initiative in criminal proceedings, as well as the role of expert discretion in the process of initiating various decisions and actions, despite the controversial nature of the problem of regulation and implementation of expert initiative in criminal proceedings. In this regard, the following tasks can be distinguished: historical and legal analysis of the formation of ideas about the expert initiative in different conditions; discussion of the conceptual apparatus of the institute of expert initiative, namely the very concept of expert initiative, its limits and scope; consideration of expert initiative in the system of evaluative concepts.

The *methodology* of this article, for the most part, is traditional, and includes general scientific methods: dialectical; logical; method of logical analysis and synthesis, induction and deduction, generalization, abstraction, analogy, ascent from the abstract to the concrete, functional and systemic methods of cognition. In the structure of the research methodology, which made it possible to detail

scientific ideas about the nature and essence of the expert initiative, an important place was occupied by: historical-legal; formal-logical; institutional; comparative-legal; interpretative methods.

Results: At the moment, the right of expert initiative is enshrined in: paragraph 4 of Part 3 of Article 57 and Part 2 of Article 204 of the Code of Criminal Procedure of the Russian Federation. However, there is no consensus on the essence of this norm in the scientific and practical environment, despite the historical conditionality of such discussions. A number of scientists believe that the expert initiative is associated with such a form of realization of the right as use, i.e. with the discretion of the expert, and is optional for him. The other part of the scientific community considers the expert's initiative as a duty, i.e. the implementation of this norm, in their opinion, should take place in the form of execution. In accordance with this, different approaches to the definition of an expert initiative are also found. It seems that the essence of the expert initiative is most accurately manifested through the discretion of the expert, and is not limited to the duplication of the expert's powers specified in Part 4 of Article 57 of the Code of Criminal Procedure of the Russian Federation. Setting the task in the key of studying evaluative concepts opens up the prospect for further research on the chosen topic.

Conclusions: In the absence of legislative consolidation of the concept of expert initiative, its limits and scope, there is not a linguistic conflict, but an incompleteness and insufficiency in regulating the initiation of actions and decisions by an expert within the competence of this participant in the criminal process. In order to make up for it, it is necessary to provide in art. 5 of the Code of Criminal Procedure of the Russian Federation the following provision: expert initiative is the professional activity of an expert, carried out at his discretion within the competence, and consisting in the freedom of choice of scientific technical and forensic means and methods of applying special knowledge, expert techniques and recommendations in order to prevent, disclose and investigate crimes.

Keywords: scope of the study, expert initiative, activity, discretion of the expert, discretion, independence of the expert, expansion and narrowing of the scope of the study, scientific judge, additional questions.

Введение

Право экспертной инициативы – один из значимых элементов, составляющих не только процессуальный статус судебного эксперта, но и основу самой экспертной деятельности в целом.

По утверждению А.Р. Шляхова «...институт экспертной инициативы становится не только жизненной реальностью, но и насущной потребностью уголовного судопроизводства» [13, с. 36]. Предназначен данный институт для объективности и всесторонности расследования уголовных дел и рассмотрения их в суде [6, с. 80–82].

Изучением вопросов экспертной инициативы в экспертной деятельности занимались и занимаются многие эксперты-теоретики и эксперты-практики как в нашей страны, так и зарубежья. Вместе с тем, по-прежнему открытыми остаются многие вопросы, связанные с регулированием и реализацией экспертной инициативы в уголовном судопроизводстве. Ретроспективный взгляд на указанный вопрос позволил выявить историческую детерминированность проблемы, ее дискуссионность на всех этапах исторического развития в различных условиях.

И, прежде всего, это касается самого определения экспертной инициативы. К сожалению, в самом законе не содержится указания на подобный термин. Такая ситуация, в свою очередь, и породила существование разных подходов к определению сущности данного явления.

Первый, или общепринятый, подход под инициативой подразумевает право эксперта на установление в процессе исследования и отражение в заключении обстоятельств, имеющих значение для дела, по поводу которых ему не были поставлены вопросы [6, с. 80–82].

Такое же содержание понятия «экспертная инициатива» можно увидеть и в словаре основных терминов судебных экспертиз¹.

Данное определение не вполне удачно, поскольку раскрывается исключительно через содержание ч. 4 ст. 57 УПК РФ. Следуя логике такого подхода, авторы называют указанное в норме полномочие эксперта инициативной, что не проливает свет на сущность данного понятия.

Наряду с указанным есть мнение, и оно соотносится с нашей позицией, что под экспертной инициативой следует понимать не противоречащую действующему законодательству профессиональную деятельность эксперта, осуществляемую по его усмотрению в пределах

¹ Корухов Ю.Г. Словарь основных терминов судебных экспертиз. М.: СУДЕКС; 2009. С. 89.

компетенции, и заключающуюся в свободе выбора научных технико-криминалистических средств и способов применения специальных знаний, экспертных методик и рекомендаций [1, с. 116].

Важно подчеркнуть, что стержнем в определении экспертной инициативы при таком подходе является усмотрение эксперта. Вместе с тем, нечасто можно встретить в исследованиях по оценочным понятиям в уголовном судопроизводстве такую категорию, как экспертная инициатива и усмотрение эксперта. Кстати, пределы экспертной инициативы также носят оценочный характер, и отчасти именно им определяется сложность уточнения таковых и сущности самой инициативы.

Задача четкого определения пределов экспертной инициативы, относятся как к реализации инициативы при производстве отдельных следственных действий с участием эксперта в качестве специалиста, так и непосредственно при производстве судебной экспертизы.

Экспертная инициатива, реализуемая в рамках осмотра места происшествия или производства иных следственных действий может иметь следующие формы (виды): выдвижение экспертной версии механизма преступления; постановка вопроса о расширении границ осмотра места происшествия; выявление и установление негативных обстоятельств в обстановке места происшествия, в ходе производства судебной экспертизы [5, с. 184–186].

К проявлению экспертной инициативы, реализуемой в рамках назначения и производства судебной экспертизы, ряд авторов относят, в том числе, и заявление ходатайств следователю «о необходимости проведения с участием эксперта конкретного следственного действия» (например, об эксперименте и реконструкции на месте происшествия), а также возможность самостоятельно определять «последовательность решения поставленных задач». Реализация экспертной инициативы вполне может быть представлена также посредством установления права эксперта на заявление ходатайств [3, с. 71].

Таким образом, часть ученых считает, что экспертная инициатива связана с такой формой реализации права, как использование, т.е. обусловлена усмотрением эксперта, является для него необязательной. Другая же часть научного сообщества рассматривает инициативу эксперта как обязанность, т.е. реализация данной нормы должна происходить в форме исполнения [1, с. 116].

Думается, что для того, чтобы разрешить эти и другие вопросы, необходимо проследить этапы становления данного института, используя научно-методологический инструментарий.

Методы исследования

Методологическую основу исследования составили теоретико-методологические положения отечественной уголовно-процессуальной науки о сущности экспертной инициативы как правового феномена, тенденциях и закономерностях функционирования данного института и взаимодействия его с другими уголовно-процессуальными институтами. Используемая методика аккумулирует общенаучные и частнонаучные методы познания.

В структуре исследовательской методологии, позволившей детализировать научные представления о природе и сущности экспертной инициативы, его содержания и видовой классификации, важное место заняли следующие общенаучные методы познания: метод логического анализа и синтеза, индукция и дедукция, обобщение, абстрагирование, аналогия, восхождение от абстрактного к конкретному.

Результаты исследования

Проведенное исследование позволило достичь определенных результатов, обобщив их следующим образом: 1) выявлены типичные тенденции формирования представлений об экспертной инициативе, отраженные в трудах отечественных ученых процессуалистов и дающие фундамент для выдвижения новых идей, а также обоснования перспектив развития института экспертной инициативы; 2) предложено понятие экспертной инициативы, отличное от того, что закреплено в УПК РФ; 3) сделана попытка соотнести понятие экспертной инициативы с оценочными понятиями при определении первого через усмотрение эксперта. Такой подход целесообразен и с позиции определения объема и пределов экспертного усмотрения.

Прежде всего, следует констатировать, что единого взгляда на экспертную инициативу в теории не существовало и не существует до сих пор. Практика шла по пути расширения объема исследования, хотя в каждом конкретном случае результат исследования зависел в конечном итоге от руководителя экспертного учреждения, который мог и не разрешить эксперту включить в заключение выводы по обстоятельствам, о которых не были поставлены вопросы.

И если в науке такая ситуация столкновения мнений вполне допустима и даже необходима для развития, то неоднозначное толкование нормы на практике может повлечь ощутимые последствия для непосредственных участников уголовного процесса.

А.А. Бойцов считает, что спорный характер научно-правовой оценки нормы связан в первую очередь с языком права, с тем, что данная норма отражена в законе в виде конструкции «эксперт вправе указать (вправе давать) заключение», где слово «вправе» ориентирует юриста на то, что описываемая норма относится к праву, а не к обязанности [1, с. 117].

На наш взгляд, о коллизии может идти речь при разночтении тех или иных положений закона. В данном же случае имеет место не языковая коллизия, а неполнота и недостаточность в урегулировании инициирования экспертом действий и решений, входящих в компетенцию данного участника уголовного процесса. Для того, чтобы ее восполнить, необходимо дополнить законодательство понятием экспертной инициативы, предусмотрев его в ст. 5 УПК РФ.

Отсутствие такого определения ведет к тому, что в научной литературе имеются разные точки зрения не только относительно того, каким образом может/должна быть реализована экспертная инициатива, но и относительно того, каковы ее границы, содержание, предмет и задачи, условия реализации.

Ряд ученых (А.И. Хмыз [11], И.Э. Никитина, [10], Е.И. Майорова [7], Р.С. Белкин¹, Е.А. Зайцева [4]) рассматривают экспертную инициативу достаточно широко, не только как право отразить в заключении что-то, но и право, а в ряде случаев и обязанность обозначить меры профилактического характера.

С.Л. Мельник прямо говорит, что «экспертная инициатива может иметь место лишь в отношении объектов, указанных в постановлении о назначении экспертизы. В тех случаях, когда эксперт берет на себя миссию исследовать объекты, не поименованные в постановлении, которые он обнаружил сам, имеет место существенное нарушение закона» [8, с. 21]. Эта же мысль прослеживается и в другой ее статье [9, с. 127].

Таким образом, при применении ст. 57 УПК РФ наметились две тенденции: расширительное толкование и сужение объема исследования, и любые попытки определить эти пределы носят субъективный, оценочный характер, что не позволяет поставить точку в этом вопросе.

Научная дискуссия

Экспертиза начала зарождаться в России в начале XVI в. В связи с введением ответственности за подлог. Уже в 1508 г. площадные подъячие проводили экспертизу по сличению почерков².

Псковская судная грамота (XV в.) предусматривала уже разбор подложных грамот и досок на судебном разбирательстве, но наказания за подлог еще не было предусмотрено. Участившиеся случаи фальсификации документов привели к тому, что судебник 1550 г. ввел смертную казнь за преступления такого рода. (Еще во времена Цицерона в Римской империи подлоги были столь часты, что существовала даже особая коллегия специалистов по почеркам, выступающих как эксперты в судах при рассмотрении этих дел). Указ 1597 г. обязал регистрировать все старинные крепости на холопов, однако помещики уклонялись от этого и зачастую предъявляли подложные документы. Спустя год после издания Указа в Новгородской приказной избе дьяками проводились исследования подложных документов.

Соборное уложение царя Алексея Михайловича 1649 г. целую главу отвело борьбе с подлогами: «О подпизиках и которые печати подделывают». За такие преступления предусматривалась смертная казнь³.

Если при осмотре документа (по жалобе сторон или по каким-либо другим причинам) судья подозревал подлог, то признаки подлога предлагалось устанавливать площадным дьякам. Дьяки не только отвечали на вопросы, но проводили и другие исследования, которые были важны для суда.

Характерна в этом отношении экспертиза, проведенная в 1662 г.⁴ При осмотре «раздельной записи» (акт раздела имущества) судьи заподозрили, что в «Якушкове имяни слова починиваны», т.е. исправлены в связи с чем и поставили вопрос дьякам, не исправлялись ли эти слова. Приглашенные приказные дьяки на основании тщательного изучения исследуемой записи пришли к выводу, что исправления действительно имеют место. Кроме того, они исследовали и другие признаки подлога, о

¹ Белкин Р.С. Криминалистика. Краткая энциклопедия. М.: Большая Российская энциклопедия, 1993.

² Площадные подъячие составляли особую корпорацию, находящуюся под надзором правительства. В Москве на Ивановской площади их насчитывалось 24 человека, в других крупных городах – по 12 человек.

³ Памятники русского права. Вып. 6: Соборное Уложение царя Алексея Михайловича 1649 года / под ред. и с предисл. К.А. Софроненко; подгот. Баскаковой Е.Г. и др. М.: Госюриздат, 1957. С. 124.

⁴ Яковлев А.И. Холопство и холопы в Московском государстве XVII в.: по архивным документам Холопьяго и Посольского приказов, Оружейной палаты и разряда. Ленинград: Изд-во Акад. Наук СССР, 1943.

которых им не были поставлены вопросы, в частности, вещество письма: «и покрывка над «шами» старая пополнена новыми же чернилами» и грамматическое содержание текста: «ино бы де написано дали Яшку «Фофонова», а не «Фофонов».

Заключение дьякона оказалось решающим доказательством для суда, который, признав «раздельную запись» подложной, записал в приговоре: «...и той раздельной записи верить нечему».

В данном случае дьяки проявили инициативу, исследовав дополнительные обстоятельства, на которые суд при осмотре спорного документа не обратил внимание.

Таким образом, можно констатировать, что хотя в то время и не существовало какого-либо законодательного акта, разрешающего дьякам проявлять инициативу при исследовании вещественных доказательств, на практике они это делали, и не только в экспертизе документов, но и судебно-медицинской экспертизе – наиболее распространенных в то время видах исследования. Так, Я.А. Чистович приводит следующий пример судебно-медицинской экспертизы, осуществленной в 1739 г.¹ Копиисту тайной канцелярии Елисееву Григорию был проломлен череп, в результате чего потерпевший скончался через три дня. Власти заинтересовались причиной его смерти. Исследование мертвого тела проводил доктор Гангарт, который произвел не только наружный осмотр трупа, но и вскрытие. Дальнейшее исследование проводил доктор Санхес, который установил, что смерть наступила от перелома черепа. Формально он мог ограничиться этим, так как ему поставили лишь вопрос о причине смерти. Однако эксперт проявил инициативу. «мнением своим рассудил, ежели б показанный копиист Григорий Елисеев несколько часов после удара лекарем был пользован и трепанован, то божиим вспоможением господа бога иногда мог при животе быть, но понеже оное, сколько известно, не учинено, того ради показанный копиист Елисеев от того удара и умре».

Этот случай подчеркивает, что уже в начале XI века одновременно с возникновением экспертизы зарождался и институт экспертной инициативы, хотя, естественно, он носил примитивный стихийный характер и в каждом отдельном случае зависел от квалификации лиц, производящих исследование, их способности выявлять новые факты.

Сейчас трудно судить о том, осознавали ли сами эксперты, что они могут проявить и проявляют инициативу. Просто добросовестно относясь к служебным обязанностям, они считали своим долгом сообщать суду о всех обнаруженных ими обстоятельствах, даже если о них и не были поставлены вопросы.

К началу XVIII в. были законодательно закреплены судебно-медицинская, судебно-психиатрическая экспертизы и экспертиза документов, однако процессуальной стороны их осуществления закон почти не затрагивал. Свод законов Российской империи 1832 г. в ст. 1068 содержал перечень доказательств, в которые входили и показания сведущих лиц (п. 4). И в этом законе были отражены многие стороны экспертизы, в том числе, и вопрос об экспертной инициативе.

Во второй половине XIX в. на службу следствию были поставлены достижения естественных наук: кроме ранее указанных экспертиз, начали проводиться химические, биологические и некоторые другие исследования. Конечно, органы, назначающие их, не всегда могли правильно поставить вопрос, и эксперты иногда выходили за пределы заданных вопросов, несмотря на то, что закон и не уполномочивал их на это.

Институт экспертной инициативы уже находит место и в законодательных актах. Так, согласно ст. 332 «Устава уголовного судопроизводства» 1864 г. судебный следователь обязан был предложить сведущим лицам устно или письменно вопросы, подлежащие их решению; в ст. 333 прямо указывается, что эти лица абсолютно не связаны пределами поставленных вопросов: «сведущие лица, проводя освидетельствование, не должны упускать из виду и таких признаков, на которые следователь не обратил внимания, но исследование которых может привести к открытию истины». Таким образом, эксперты получили законодательное разрешение на проявление инициативы.

Крупнейший русский криминалист Е.Ф. Буринский инициативе эксперта придавал большое значение и в практической деятельности часто выходил из круга вопросов, поставленных перед ним судом². Он первым из русских криминалистов теоретически обосновал необходимость для эксперта

¹ Чистович Я.А. Очерки из истории русских медицинских учреждений XVIII столетия. СПб: тип. Я. Трея; 1870. С. 89.

² Буринский Е.Ф. Судебная экспертиза документов, производство ее и пользование ею: пособие для гг. судей, судеб. следователей, лиц прокурор. надзора, поверенных, защитников, судеб. врачей и граф. Экспертов. СПб: тип. Спб. т-ва печ. и изд. дела «Труд»; 1903. С. 201.

расширять объем исследования. Процессуалисты М.В. Духовский, Л.Е. Владимиров, И.Я. Фойницкий, В. Случевский также положительно оценивали деятельность эксперта, направленную на расширение объема исследования.

М.В. Духовский разделял деятельность эксперта на две части¹. К первой он относил исследование различных предметов и вещественных доказательств, о результатах которого эксперт составлял отчет, ко второй – конструирование вывода на основе имеющихся данных по вопросам, поставленным следователем, а в суде – сторонами суда или судом. Однако эксперты, по мнению автора, не должны ограничиваться этими вопросами, а учитывать и такие обстоятельства, которые следователь и суд посчитали не заслуживающими внимания, но «исследование коих может привести к открытию истины». Для того, чтобы эксперт мог найти эти новые обстоятельства, ему необходимо изучить дело, так как только при этом условии он в состоянии обнаружить их и подвергнуть исследованию. Присутствуя в зале судебного заседания, эксперты могут выслушать всех свидетелей и анализировать имеющиеся в деле сведения. На предварительном следствии экспертам такого права не дано, следователь не обязан был (но мог) знакомить их с делом.

Таким образом, М.В. Духовский считал необходимым исследование новых обстоятельств, попавших в поле зрения эксперта, о которых ранее не были поставлены вопросы.

Л.Е. Владимиров исходил из правильных положений, рассматривая заключение экспертов как доказательство по делу². Однако он преувеличивал роль экспертов и считал, что поскольку суд не обладает специальными познаниями и не может правильно оценить выводы экспертов, то последние являются научными суждениями и их решения (заключения) обязательны для суда. Этот вывод ошибочен. Он противоречит принципу непосредственности и не позволяет суду оценивать все доказательства в их совокупности, что не содействует формированию внутреннего убеждения судьи, а, наоборот, заставляет его в какой-то степени приспособлять свое мнение к заключению эксперта. Естественно, что это способствует вынесению ошибочного приговора (решения), ибо нельзя даже усомниться в правильности заключения эксперта: «Судья самостоятелен в выборе экспертов. Но раз последние выбраны, судья следует за ними, как слепой за своим поводырем»³. Таким образом, получается как бы два решения в одном деле: судьи, рассматривающего дело по существу, и эксперта – научного судьи.

Однако учение В.Л. Владимирова о природе и сущности экспертизы содержало наряду с неправильными и ряд верных положений. В частности, по его мнению, эксперт не должен оставаться пассивным наблюдателем, а, проводя самостоятельно исследование, может выйти за пределы, указанные судом.

И.Я. Фойницкий считал, что эксперт должен ознакомиться с обстоятельствами дела, если это нужно для разрешения задания. Вопросы эксперту ставит суд, но в формулировке их может принимать участие та или иная сторона и даже сами эксперты, причем последние не должны упускать из виду и такие обстоятельства, на которые суд (следователь) не обратил внимания, но исследование которых необходимо для установления истины.

И.Я. Фойницкий указывал, что эксперты в таком случае не должны выходить за пределы своих специальных познаний, и в случае невозможности вынести решение обязаны отказаться от всякого ответа; в противном случае, особенно если заключение эксперта будет результатом его логических размышлений, оно не поможет правосудию, а, наоборот, может оказаться даже вредным.

Несколько раньше В. Случевский⁴, что судья должен обладать достаточным научным образованием не только для понимания ответов экспертов, но и для правильной постановки вопросов. Эксперт не всегда только отвечает, а судья спрашивает; во многих случаях первый занимает далеко не пассивную роль, а, наоборот, активно выясняет те обстоятельства, по которым он приглашается судом. Хотя Случевский и не говорит прямо о том, что эксперт обязан самостоятельно исследовать новые факты, но это логически вытекает из тех задач, которые он ставит перед экспертом.

¹ Буринский Е.Ф. Указ. соч. С. 69.

² Владимиров Л.Е. Учение об уголовных доказательствах: части: общая и особенная. СПб: кн. маг. «Законоведение», 1910. С. 97.

³ Там же. С. 97.

⁴ Случевский В. Учебник русского уголовного процесса: судоустройство – судопроизводство. СПб: тип. М.М. Стасюлевича, 1895. С. 84.

Таким образом, отечественные дореволюционные процессуалисты рассматривали эксперта не как слепое орудие, послушное воле суда, а как активного участника выяснения тех или иных обстоятельств с помощью специальных знаний.

После октябрьского переворота 1917 года на территории РСФСР не осталось экспертных криминалистических учреждений, так как Петроградский кабинет научно-судебной экспертизы сгорел, а Московский прекратил свою работу в 1918 году. Оборудование его было передано Высшему институту фотографии и фототехники в Петрограде. Некоторые виды экспертиз выполнялись в судебно-медицинских лабораториях.

В этот период появляются работы, посвященные вопросам экспертизы, и некоторые из них содержали положения, заимствованные у дореволюционных ученых.

Так, например, взгляды Л.Е. Владимирова на эксперта как на научного судью, нашли свое отражение в постановлении о правах и обязанностях экспертов, изданном в январе 1919 года Наркомздравом РСФСР: «Выполняя все распоряжения и инструкции по медицинской экспертизе, каждый государственный медицинский эксперт в области своей научно-практической деятельности является самостоятельным работником, заключения которого, при соблюдении предписанных законом условий, получают обязательную силу и значение для частных лиц и учреждений различных ведомств». Если следователь или судья не были согласны с заключением государственного медицинского эксперта, то отвергнуть его не могли, а должны были обжаловать в вышестоящие медицинские учреждения (в порядке подчиненности).

Конечно, и судьи, и ученые-юристы того времени не всегда могли правильно оценить некоторые положения, касающиеся суда, и некритически принимали их, что и выразилось в понимании ими процессуального положения эксперта. Вместе с тем, в веденных инструкциях содержались и положительные моменты: судебно-медицинскому эксперту предоставлялось право в ходе исследования выявлять по собственной инициативе новые данные, о которых вопросы не были поставлены.

Такое положение существовало до принятия УПК РСФСР 1923 г., согласно которому значение заключения эксперта приравнивалось ко всем остальным доказательствам и могло свободно оцениваться судьями. Вопрос об инициативе в этом кодексе не упоминался.

В советской юридической литературе взгляд на эксперта как на научного судью развивал, в частности, Б.Л. Сперанский¹. Он предложил отказаться от понимания экспертизы как единого процессуального института и разделить ее на три части: экспертизу установительную, определительную и квалификационную. Каждый эксперт, являющийся субъектом одной из этих трех самостоятельных категорий, наделялся особыми процессуальными правами. Задачей эксперта в установительной экспертизе было разрешение вопроса, совершалось ли преступление и совершено ли оно данным лицом. Сюда относятся случаи технических экспертиз, известных криминалистике. Эксперты имели право на свободу ознакомления со всеми материалами следствия и суда без каких-либо ограничений: свободу выхода из рамок вопросов, предлагаемых следователем и судом, свободу производства допроса свидетелей, осмотров и других действий, которые требуются для достижения поставленной им цели.

Согласиться со Б.Д. Сперанским по вопросу деления экспертиз на три вида нельзя, так как в противном случае установительная экспертиза является не чем иным, как особым техническим аппаратом предварительного расследования, а в квалификационной экспертизе эксперт выступает в качестве научного судьи. Главный недостаток этой концепции – в замене следователя (судьи) экспертом. Такое деление является искусственным, но мысль Б.Д. Сперанского о наделении эксперта правами ознакомления с материалами дела без каких-либо ограничений и возможностью выхода из рамок вопросов, предлагаемых следователем (судом), в какой-то мере ценна и сохранила свою актуальность до настоящего времени.

В 20-е годы XX века право эксперта на инициативу поддерживал М.А. Чельцов-Бебутов, считая, что эксперты, проводящие исследование, не должны быть связаны поставленными ими вопросами и могут расширить круг своих исследований². Он указывал, что институты судебной экспертизы не связывают себя только теми вопросами, которые им поставлены, а расширяют рамки исследования, если этого требуют обстоятельства дела. Однако и он смотрел на эксперта как на

¹ Сперанский Б.Д. Экспертиза в уголовном процессе. Иркутск: 1-я Гостино-лит., 1925. С. 11.

² Чельцов-Бебутов М.А. Советский уголовный процесс. Харьков: Юрид. изд-во; 1929. С. 170.

судью, поскольку считал, что в некоторых случаях эксперт превращается из орудия следователя в его руководителя.

В учебниках криминалистики более позднего периода среди прочих содержались и рекомендации следователям о формулировке вопросов при назначении экспертизы. Следователям, поскольку они не являются специалистами в какой-либо отрасли науки, рекомендовалось приглашать эксперта для дачи консультации при постановке вопросов. Эксперт в этом случае мог знакомиться с материалами дела и при необходимости обжаловать прокурору как неправильную постановку вопросов следователем, так и его действия по невключению вопросов, которые эксперт считает существенными и необходимыми, а следователь находит второстепенными.

Таким образом, видно, что эксперт мог проявлять инициативу, хотя решающее слово оставалось за следователем. Эксперту предоставлялась возможность добиться постановки тех или иных вопросов путем обжалования действий следователя прокурору. Такая инициатива, хоть и ограниченная, все же создавала возможность исследования новых обстоятельств, важных для дела. Однако следователи не всегда приглашали экспертов для дачи консультации, в большинстве случаев сами формулировали вопросы. Эксперт обязан был ответить на все вопросы, но он не лишен права отметить в заключении и такие обстоятельства, о которых ему не предлагалось вопросов, если эти обстоятельства имеют отношение к предмету экспертизы и эксперт считает их существенными для дела¹.

Как видно, авторы учебника разделяют инициативу на две части: в стадии назначения экспертизы (здесь она зависит от органов, назначающих экспертизу) и в стадии производства исследования. В последнем случае эксперт без всякого согласования может изучить новые обстоятельства, о которых вопросы ему не были поставлены.

Таким образом, практика шла по пути расширения объема экспертного исследования. Однако, как отмечал Ю.М. Кубицкий, часто эксперту направляется мало материалов, в связи с чем многие обстоятельства остаются за пределами его внимания, в то время как именно ознакомление с материалами дела позволяет решить вопрос о том, должен ли и может ли эксперт расширить поставленные перед ним вопросы².

После Великой Отечественной войны 1941–1945 гг. деятельность экспертных криминалистических учреждений поднялась на более высокую ступень, что нашло свое отражение и в юридической литературе. Однако законодательно не было закреплено право эксперта на проявление инициативы.

В юридической литературе, посвященной экспертизе, необходимость предоставления экспертам права на инициативу стала обосновываться более глубоко. Так, А.И. Винберг высказал мнение о том, что эксперт поступает правильно, когда расширяет объем исследования, и что знание обстоятельств дела для него необходимо. Это знание крайне важно для выполнения так называемого неопределенного задания, когда следователь не может поставить конкретно вопросы и формулирует общий вопрос, например, «не содержится ли в документе каких-либо признаков, свидетельствующих о подделке». А.И. Винберг считал, что в этом случае знание всех обстоятельств дела необходимо для того, чтобы установить признаки подделки. Поэтому неправильно поступают следователи, когда при направлении на исследование вещественного доказательства или умалчивают об обстоятельствах дела, или упоминают о них весьма скупо³.

За необходимость ознакомления эксперта с материалами дела выступал и Р.Д. Рахунов, считавший, что это позволит эксперту подсказать следователю дополнительные вопросы, и последний может согласиться с ним, если это будет иметь значение для дела. Р.Д. Рахунов связывал экспертную инициативу с необходимостью согласования со следователем постановки дополнительных вопросов для того, чтобы он мог правильно ориентироваться в дальнейшей работе по расследуемому делу⁴.

¹ Криминалистика: техника и тактика расследования преступлений / под ред. А.Я. Вышинского. М.: Юрид. изд-во, 1938. С. 132.

² Кубицкий Ю.М. Криминалистическая и судебно-медицинская экспертиза. Ашхабад: Воен.-юр. акад. РККА, 1942. С. 75.

³ Винберг А.И. Основные принципы советской криминалистической экспертизы. М.: Гос. изд-во юрид. лит., 1949. С. 32.

⁴ Рахунов Р.Д. Теория и практика экспертизы в советском уголовном процессе. М.: Гос. изд-во юрид. лит. (тип. «Кр. Пролетарий»), 1950. С. 27.

Пользу, получаемую при реализации права следователя на инициативу, не только эксперты, ученые, но и практические работники.

Несмотря на отсутствие в уголовно-процессуальном законодательстве статьи о разрешении проявлять инициативу, это право осуществлялось и расширяло границы исследований.

В юридической же литературе в основной давались рекомендации об обязанности экспертов сообщать следователю о новых фактах, прежде чем отражать их в заключении. Вместе с тем, предварительная консультация следователя у эксперта необходима. Она нужна для того, чтобы следователь правильно определял последовательность задаваемых вопросов, уточнял их формулировку, установил момент предъявления заключения эксперта в процессе допроса, подготовился к ответам на возможные вопросы обвиняемого, т.е. совместно с экспертом выработал наиболее рациональные приемы тактики допроса. Наконец, такая консультация необходима и для того, чтобы сам следователь лучше разобрался в методике и результатах проведенного исследования и смог потом разъяснить обвиняемому суть заключения.

М.А. Чельцов и Н.В. Чельцова выступали за то, что эксперт в случае выявления им новых обстоятельств, важных для следствия, обязан сообщить об этом следователю, чтобы последний был в курсе исследований и в случае необходимости мог поставить дополнительные вопросы¹. Такой порядок, считали они, помогает следователю в расследовании преступлений, выдвижении новых версий, привлечении новых обвиняемых, соучастников, или, наоборот, исключении одних и привлечении других и т.п. Они, таким образом, не рассматривают инициативу эксперта как самостоятельный институт, а связывают ее с разрешением следователя, что в некоторой мере ограничивает активность эксперта и задерживает сроки проведения экспертизы, поскольку для такого разрешения нужно дополнительное время.

В литературе имеется мнение о необходимости в случае проявления экспертной инициативы обязательного ее согласования со следователем и судом «... эксперт в ряде случаев может сделать необходимым сообщение о них следователю до составления заключения с тем, чтобы решить вопрос об истребовании дополнительных материалов, проведении исследований, связанных с порчей или уничтожением вещественных доказательств, а также с тем, чтобы решить вопрос об истребовании дополнительных материалов проведения исследований, связанных с порчей или уничтожением вещественных доказательств, а также с тем, чтобы сформулировать дополнительное задание эксперту»².

Однако существует и противоположное мнение, заключающееся в одобрении права экспертов решать экспертом дополнительные вопросы, не поставленные следователем, хотя как в юридической литературе. Так и на практике нет ясности по этому поводу. Эксперт может как приостановить исследование и сделать запрос следователю, так и, не дожидаясь постановки дополнительных вопросов, выходит за пределы задания и дать заключение.

Эксперт, обнаруживший новые обстоятельства, не упомянутые в постановлении о назначении экспертизы, должен предварительно сообщить о них следователю, у которого при этом могут возникнуть дополнительные вопросы и который может найти дополнительный материал. Только в том случае, когда эксперт почему-либо не может связаться со следователем, он вправе самостоятельно упоминать в заключении об этих новых фактах.

Практическая реализация экспертной инициативы в уголовном судопроизводстве представляет собой одну из предпосылок дальнейшего развития и совершенствования наук криминалистики, уголовного процесса, равно как и судебно-экспертной деятельности в целом и судебной экспертизы в частности. Эксперт – активный исследователь вещественных доказательств и служебный долг обязывает его изыскивать новые пути и методы исследования, выявлять при этом и новые данные, не упомянутые в постановлении о назначении экспертизы.

Список использованной литературы:

1. Бойцов А.А. Право экспертной инициативы с позиции юридической герменевтики. *Теория и практика судебной экспертизы*. 2019;(2):115–127. DOI: 10.30764/1819-2785-2019-14-2-115-127.

References:

1. Boitsov A.A. [The right of expert initiative from the perspective of legal hermeneutics]. *Theory and practice of forensic examination*. 2019;(2):115–127. DOI: 10.30764/1819-2785-2019-14-2-115-127. (In Russ.)]

¹ Чельцов-Бебутов М.А. Указ. соч. С. 37.

² Котова О.А. Усовершенствование теоретических и методических основ идентификационной криминалистической экспертизы: автореферат дис. ... канд. юрид. наук. Волгоград, 2004. С. 17.

2. Духовский М.В. Русский уголовный процесс. М.: Склад изд. в книжном магазине М.В. Клюкина; 1908.
3. Дьяконова О.Г. Право эксперта заявлять ходатайства, связанные с назначением и производством судебной экспертизы. *Вестник университета им. О.Е. Кутафина (МГЮА)*. 2019;(5):66–78. DOI: 10.17803/2311-5998.2019.57.5.066-078.
4. Зайцева Е.А. Концепция развития института судебной экспертизы в условиях состязательного уголовного судопроизводства. М.: Юрлитинформ; 2010.
5. Зорин Р.Г., Талецкий Н.С. Формы реализации экспертной инициативы в уголовном процессе. *Концептуальные основы современной криминалистики: теория и практика: материалы международной научно-практической конференции, посвященной 95-летию со дня рождения заслуженного деятеля науки Республики Беларусь*. Минск: БГУ; 2019.
6. Зуйкова Н.А., Головкин С.А. К вопросу об экспертной инициативе. *Вестник экономической безопасности*. 2022;(5):80–82. DOI: 10.24412/2414-3995-2022-5-80-82.
7. Майорова Е.И. Особенности экспертной профилактики при производстве судебно-экологических экспертиз. *Право и государство*. 2018;(3-4):144–154.
8. Мельник С.Л. О границах экспертной инициативы. *Вестник Калининградского филиала Санкт-Петербургского университета МВД России*. 2017;(2):20–22.
9. Мельник С.Л., Ревенко Я.Д. К вопросу о становлении института экспертной инициативы при производстве судебно-медицинских экспертиз в России. *Журнал российского права*. 2017;(2):124–130. DOI: 10.12737/24123.
10. Никитина И.Э. Актуальные проблемы сотрудничества европейских государств в сфере внутренних дел и юстиции по линии экспертно-криминалистической и оперативно-разыскной деятельности. *Теория и практика судебной экспертизы*. 2017;(3):110–118.
11. Хмыз А.И. Вопросы об экспертной профилактике при производстве судебной экспертизы. *Вестник Московского университета МВД России*. 2019;(1):105–108. DOI: 10.24411/2073-0454-2019-10027.
12. Чельцов М.А., Чельцова Н.В. Проведение экспертизы в советском уголовном процессе. М.: Госюриздат; 1954.
13. Шляхов А.Р. Процессуальные и организационные основы криминалистической экспертизы. М.: М-во юстиции СССР. Всесоюз. науч.-исслед. ин-т служебных экспертиз; 1972.
2. Dukhovskiy M.V. [Russian criminal trial]. M.: Warehouse publishing house in the bookstore of M.V. Klyukin; 1908. (In Russ.)]
3. Dyakonova O.G. [The right of an expert to file petitions related to the appointment and production of a forensic examination]. *Bulletin of the O.E. Kutafin University (MGUA)*. 2019;(5):66–78. DOI: 10.17803/2311-5998.2019.57.5.066-078. (In Russ.)]
4. Zaitseva E.A. [The concept of the development of the Institute of forensic expertise in the conditions of adversarial criminal proceedings]. M.: Yurlitinform; 2010. (In Russ.)]
5. Zorin R.G., Taletsky N.S. [Forms of implementation of expert initiative in criminal proceedings]. *Conceptual foundations of modern criminology: theory and practice: materials of the International Scientific and Practical Conference, dedicated to The 95th anniversary of the birth of the hero. a scientist Rep. Belarus*. Minsk: BSU; 2019. (In Russ.)]
6. Zuikova N.A., Golovko S.A. [On the issue of expert initiative]. *Bulletin of Economic Security*. 2022;(5):80–82. DOI: 10.24412/2414-3995-2022-5-80-82. (In Russ.)]
7. Mayorova E.I. [Features of expert prevention in the production of forensic environmental examinations]. *Law and the State*. 2018;(3–4):144–154. (In Russ.)]
8. Melnik S.L. [On the boundaries of the expert initiative]. *Bulletin of the Kaliningrad branch of the St. Petersburg University of the Ministry of Internal Affairs of Russia*. 2017;(2):20–22. (In Russ.)]
9. Melnik S.L., Revenko Ya.D. [On the question of the establishment of the Institute of expert initiative in the production of forensic medical examinations in Russia]. *Journal of Russian Law*. 2017;(2):124–130. DOI: 10.12737/24123. (In Russ.)]
10. Nikitina I.E. [Actual problems of cooperation between European states in the field of internal affairs and justice in the field of forensic and operational investigative activities]. *Theory and practice of forensic examination*. 2017;(3):110–118. (In Russ.)]
11. Khmyz A.I. [Questions about expert prevention in the production of forensic examination]. *Bulletin of the Moscow University of the Ministry of Internal Affairs of Russia*. 2019;(1):105–108. DOI: 10.24411/2073-0454-2019-10027. (In Russ.)]
12. Cheltsov M.A., Cheltsova N.V. [Conducting expertise in the Soviet criminal process]. M.: Gosyurizdat; 1954. (In Russ.)]
13. Shlyakhov A.R. [Procedural and organizational foundations of forensic examination]. M.: Ministry of Justice of the USSR. The All-Union. scientific research. Institute of Official examinations; 1972. (In Russ.)]

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ

Соловьева Наталья Алексеевна

кандидат юридических наук, доцент, заведующая кафедрой процессуального права и криминалистики, ФГАОУ ВО «Волгоградский государственный университет»

INFORMATION ABOUT THE AUTHOR

Natalya A. Solovyeva

Cand. of Sci. (Law), Associate Professor, head of the department of procedural law and criminology of the FGAOU VO "Volgograd State University"